

смог заключить в себе его собственный мир - "многодонная жизнь вне закона", в фундамент которой положено напластование вселенских культур и религий.

В целом личный путь поэта в преодолении страха проходит от организации индивидуального внутреннего Космоса благодаря культуре и религии ("Камень"), через организацию Космоса внешнего, Космоса эпохи, нации, человечества, обращаясь к ранее обретенному "Я-Космосу" ("Tristia" и "Стихи 1921-1925 годов"), и, наконец, поэт приходит к приятию жизни как таковой, целиком (и страха как ее составляющего), когда бесконечность и вечность бытия приобретается через постоянную реализацию духовного опыта прошлых культур, а культура и религия становятся самой жизнью, сферой существования поэта (стихи 30-х годов).

О. А. Виноградова
Екатеринбург

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР ГЕННАДИЯ ШПАЛИКОВА

Геннадий Шпаликов известен, прежде всего, как талантливый киносценарист эпохи шестидесятых. Но вместе с тем он был и достаточно оригинальным поэтом. Часть (по-видимому, незначительная) его поэтического наследия опубликована, некоторые тексты стали песнями и живут в фильмах и в репертуаре самодеятельной песни.

Для многих стихотворений Г. Шпаликова характерно движение лирического сюжета от общего к частному. Как кинокамера от общего плана переходит к сужению пространства и, наконец, задерживается на какой-то детали, так в стихотворениях Г. Шпаликова совершается движение от афористического высказывания, от общей картины к запечатленному моменту жизни, явленному в зрительном образе: "Нет названья у воды, / Нет названья у беды, / У мостов обвороченных, / Где на лавочках следы". ("Обожал я снегопад...").

Поэтический мир Геннадия Шпаликова насыщен зрительными образами (это поэзия сценариста, "киношная" поэзия). Знаменитое, ставшее песней стихотворение "Рио-рита" - как бы фрагмент сценария, типично "шпаликовская" лирическая зарисовка - танцевальная площадка 1941 года. Внимательный взгляд поэта (порой обозначенный "визуальными" глаголами: "я вижу вас", "в окно смотрю") подмечает "мелочи", приметы бытия. Визуальны в его стихах и метафорические образы и сравнения: "Жизнь проходит сквозь пальцы / Желтой горстью

песка.” (“Остается во фляге невеликий запас...”)

Вместе с тем зрительные образы в поэтическом мире Г. Шпаликова неотделимы от человеческого восприятия, эмоциональной оценки. В том же стихотворении “Рио-рита” шемая лирическая интонация обусловлена точкой зрения автора, в отличие от беспечных танцующих пар (“Через месяц - и не больше - / Кончится война”) знающего о том, чем для всех обернется предстоящее лето (“На площадке танцевальной - / Сорок первый год”).

Разговорная интонация - отличительная особенность поэтической манеры Г. Шпаликова. Кинодраматург И. Сабельников определил его стихи как “поэтическое говорение”. Действительно, они производят впечатление в данный момент создающихся, проговаривающихся (особенно показательны в этом отношении “Незаметен Новый год”, “Я шагаю по Москве”, “Сентябрь”). Установка на собеседника - условие существования поэтического мира Г. Шпаликова. К внимательному слушателю обращена разговорно-доверительная, подкупающе искренняя интонация его речи. Разговорный слог делает возможными небезупречные грамматические построения (анаколуфы и солецизмы), интонационные сбои и словесные игры (“Вот хороший человек, / Я не знаю имя рек, / Но у рек же нет названья...”).

Разговорная интонация Г. Шпаликова окрашена двумя основными переплетающимися эмоциями, - лирической и иронической. Возвышенность, грозящая перейти в патетику, немедленно заземляется: “Тебя держу, тебя во сне несу, / И слышу - дятел дерево колотит. / Сегодня воскресенье в лесу, / На даче, на шоссе и на болоте. (“Под ветром сосны хорошо шумят...”).

Очевидная потребность в собеседнике (“Ты невпопад кивай мне головой, / И я растроган буду и доволен”) оказывается, однако, нереализованной. Вместо понимающего человека в поэзии Г. Шпаликова - лишь “собеседник подневольный мой”. Оппозиция “открытость - одиночество” оказывается центральной в его лирике. “Открытость” реализуется в искренности и исповедальности тона, в обращенности к собеседнику (которым может стать читатель), в восхищенной восприимчивости к многозначительным подробностям быта и бытия. Вариации мотива одиночества - мотивы утраты, разлуки, и, в особенности, мотив смерти, явленный в многочисленных “репетициях” смерти и ситуациях “примеривания” смерти к поэтическому “я” (“Ах, утону я в Западной Двине, / Или погибну как-нибудь иначе”).

Представляется значимой обусловленность оппозиции “открытость - одиночество” контекстом времени, особенностями эпохи “шестидесятников”. С одной стороны, это была эпоха “оттепели”, эпоха надежд и оптимистических устремлений в будущее. Человеческие (и творческие) отношения, будучи запечатлены в искусстве тех лет, как правило, отмечены дружелюбием, возведенным в культ и основанным на общности мироощущения. Эти позитивные смыслы обуславливают общее светлое настроение стихотворений Г. Шпаликова. Но, с другой стороны, поколение “шестидесятых” стало “обманутым” поколением. И подспудная тревога, понимание иллюзорности происходящего образуют вторую эмоциональную “составляющую” его лирики. “Человек от вас уходит”, - вот болевой момент эпохи, символически оформленный в его стихотворении “Людей теряют только раз”.

“Бездомность - Дом” - еще одна смысловая оппозиция поэтического мира Г. Шпаликова. Дом - идеальное пространство теплоты и понимания, желанное (“Да здравствуют дома, где нас сегодня ждут!”), но труднодостижимое и легко утрачиваемое. Бездомность - привычное состояние лирического “я” поэта, пространство одиночества. Человек в стихах Г. Шпаликова бежит от суеты коллективности в индивидуальное бытие, поэтому его излюбленное время - ночь: “Все было празднично и тихо / И в небесах и на воде. / Я днем искал похожий выход / И не нашел его нигде”. (“Не принимай во мне участия...”)

Таким образом, два начала - оптимистическое и драматическое, - составляют основу поэтического мироощущения Г. Шпаликова и могут быть подтверждены биографическим контекстом (всеобщее признание, доходящее до обожания, - и трагическое самоубийство), а главное - могут быть расшифрованы как присущие самому времени противоречия.

В лучших стихотворениях Г. Шпаликова (как, например, “Я к вам травую прорасту...”) трагическое противоречие жизни и смерти, полноты бытия и уничтожения преодолевается объединением этих категорий в единый закон бытия, закон вечной цикличности земного существования.